Для цитирования:
Васильева Ю. В., Шуралева С. В. Трансформация трудового правоотношения и социально-обеспечительных правоотношений в условиях формирования шестого технологического уклада // European and Asian Law Review. 2026. № 2. Т. 9. С. 123–145. DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_123.

Information for citation:
Vasilyeva, Yu. V. & Shuraleva, S. V. (2026) Transformatsiya trudovogo pravootnosheniya i sotsial`no-obespechitel`nykh pravootnoshenii v usloviyakh formirovaniya shestogo tekhnologicheskogo uklada [Transformation of Labor Relations and Social Security Relations in the Context of the Formation of the Sixth Technological Order]. *European and Asian Law Review*. 9 (2), 123–145. DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_123.

УДК 349
BISAC: 054000
DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_123
Научная статья

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРУДОВОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНО-ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ШЕСТОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА

Ю. В. Васильева
Пермский государственный национальный исследовательский университет
ORCID ID: 0000-0002-8010-340X
С. В. Шуралева
Пермский государственный национальный исследовательский университет
ORCID ID: 0000-0003-1220-1179

Авторы рассматривают соотношение понятий «научно-технический прогресс», «научно-техническая революция», «технологический уклад», затем на основе анализа социально-экономических вызовов четвертой научно-технической революции и шестого технологического уклада обобщают основные направления трансформации трудового и социально-обеспечительных правоотношений.

Ключевые слова: *научно-технический прогресс, научно-техническая революция, промышленная революция, технологический уклад, трансформация трудового и социально-обеспечительных правоотношений, платформенная занятость, рабочее время, неприкосновенность частной жизни, цифровой суверенитет работника, гарантированный минимум, безусловный базовый доход*

Copyright© 2026. The Authors. Published by Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.
This is an open access article distributed under the CC BY-NC 4.0. license http://creativecommons.org//license/by-nc/4.0/

TRANSFORMATION OF LABOR RELATIONS AND SOCIAL SECURITY RELATIONS IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF THE SIXTH TECHNOLOGICAL ORDER

Yulia V. Vasilyeva
Perm State National Research University
ORCID ID: 0000-0002-8010-340X
Svetlana V. Shuraleva
Perm State National Research University
ORCID ID: 0000-0003-1220-1179

The authors consider the relationship between the concepts of 'scientific and technological progress', 'scientific and technological revolution' and 'technological order', then based on the analysis of the socio-economic challenges of the fourth scientific and technological revolution and the sixth technological order they summarize the main directions of transformation of labor and social security relations.

Keywords: *scientific and technological progress, scientific and technological revolution, industrial revolution, technological structure, transformation of labor and social security relations, platform employment, working hours, privacy, digital sovereignty of the employee, guaranteed minimum, unconditional basic income*

Введение

Мы являемся свидетелями впечатляющих и глобальных по масштабам социально-экономических и политических перемен. Экономика «дымящихся труб» уступает место экономике больших данных, алгоритмов, цифровых платформ. Эти процессы переплетаются со сменой мирохозяйственного уклада, формированием в Юго-Восточной Азии нового «ядра» мировой экономики.

Наше государство вынуждено проходить адаптацию к жизни в «новом дивном мире» в судьбоносный исторический период, параллельно решая сложнейшие задачи снижения потерь от военных действий, санкционного давления, обеспечения технологического суверенитета, поиска областей, в которых можно захватить технологическое лидерство.

На мезо- и микроуровнях свои трансформационные циклы проходят отрасли экономики, организации и предприятия, сообщества людей и отдельные индивиды. Меняются потребности, социальные связи, возникают новые точки роста и уязвимости, требования к уровню развития человеческого капитала, способы и правовые формы организации труда.

Жизнь «на высоких скоростях» неизменно создает разрыв между социальной реальностью и правовым ее отражением: право может реагировать с задержкой. В этих условиях лучший вариант для науки трудового права и права социального обеспечения в период четвертой научно-технической революции, опосредующей переход к шестому технологическому укладу, – действовать на опережение: создавать правовые рамки для управления социальным рисками, обновлять существующие и прогнозировать перспективные правовые конструкции, участвовать в генерации смыслов и ценностей для создаваемых сегодня технологий и отношений будущего.

Основная часть

Научно-технический прогресс, научно-техническая революция, технологический уклад: современный дискурс и новые вызовы в сфере труда, занятости и социального обеспечения

В современном дискурсе (экономическом, технологическом, управленческом, правовом) часто используются термины «технологический уклад», «научно-техническая революция» (далее – НТР), «научно-технический прогресс» (далее – НТП).

В экономической литературе можно встретить точку зрения о том, что отличия между концепциями индустриальных революций и технологических укладов носят преимущественно терминологический характер. Полагаем, что, несмотря на кажущееся смысловое сходство, эти понятия описывают разные уровни и динамику изменений в социально-экономической сфере.

Научно-технический прогресс представляет собой процесс и результат совершенствования техники, технологии, энергетики, товаров и услуг на базе использования результатов научных исследований в целях достижения экономического, социального, экологического и информационного эффекта. НТП включает развитие науки (приращение новых знаний) и инновации (превращение новых знаний в рыночный продукт, в объект массового применения)[1].

Семантическое значение слова «прогресс» (лат. *progressus* – движение вперед, успех) – направление поступательного развития, для которого характерен переход от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному, – указывает на непрерывность, преемственность, восходящее направление взаимосвязанного развития науки и техники, которое выражается в накоплении научных знаний, совершенствовании технологий, возникновении инноваций.

НТП можно сравнить с общим вектором происходящих изменений на уровне как отдельных технологий, так и отраслей промышленности, факторов производства. В правовом дискурсе НТП в большей степени ассоциируется с адаптацией правового регулирования к новым технологиям без концептуальных изменений.

Стоит отметить, что в 1960–1980-е гг. влияние научно-технического прогресса на развитие трудового права активно обсуждалось в науке [Негру, 1972; Сойфер, 1966; Иванов, 1974; Шалито, 1967; Шептулина, 1972], однако в 1990-х гг. и 2000-х гг. данная проблема практически исчезла из поля зрения специалистов в области трудового права, хотя исключения все же были [Воронцов, 2007; Кудрин, 1998].

НТР характеризуется коренным преобразованием всей технологической базы общества, сменой места человека в процессе производства, это качественный скачок в структуре производительных сил. И. С. Аверина, говоря об экономическом аспекте термина «революция», утверждает, что она представляет собой коренной перелом в базисе хозяйственной системы, который провоцирует изменения во всех областях жизни общества [Аверина, 2021: 56].

Вторая половина XVIII в. ознаменовала начало промышленных (индустриальных) революций, каждая из которых основывалась на определенных источниках энергии, факторах производства и ключевых инновациях. Именно тогда наука стала непосредственной производительной силой, дающей стимул развитию производства.

Один из лауреатов Нобелевской премии по экономике за 2025 г., израильский и американский экономист Д. Мокир показал, что устойчивый экономический рост

[1] Научно-технический прогресс // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/c/nauchno-tekhnicheskii-progress-ddda67 (дата обращения: 29.03.2026).

на основе технологических инноваций возможен только если существует продуктивная связь между позициональными знаниями (о природных явлениях и их закономерностях) и прескриптивными знаниями (в виде чертежей, схем, описаний, инструкций и т. д. о том, «как делать» что-либо, – технологиями). До середины XVIII в. такая взаимосвязь отсутствовала, многие накопленные знания не находили практического применения, а существовавшие инновации носили спорадический характер и не оказывали влияния на долгосрочную экономическую динамику [Трофимов, 2025].

Среди прочих выводов Д. Мокира в контексте настоящей статьи заслуживает внимания тезис о процессах реализации инноваций на микроуровне, ведущую роль в которых сыграли рядовые инженеры и мастера [Трофимов, 2025]. Они составляли высокообразованную трудовую элиту, обучавшуюся в школах и на производствах, способную хорошо разбираться в новых идеях и осуществлять их внедрение, обеспечивать эффективную обратную связь с изобретателями. Этот пример и в современных условиях подчеркивает важность квалифицированного труда как основного ресурса для успешного внедрения инноваций, завоевания и удержания технологического лидерства.

Современному этапу развития общества соответствует четвертая промышленная революция, создающая мир, в котором виртуальные и физические системы производства гибко взаимодействуют между собой на глобальном уровне [Шваб, 2017: 16], при этом одновременно возникают волны прорывов в самых различных областях: от расшифровки информации, записанной в человеческих генах, до нанотехнологий, от возобновляемых энергоресурсов до квантовых вычислений [Шваб, 2017: 17].

Таким образом, НТР отличает системный характер изменений и дискретность. Технологические революции обеспечивают «дискретный скачок» – «переход через неустойчивый период из одного относительно устойчивого состояния системы экономики в другое, более развитое, чем предыдущее» [Родионов, 2012: 13]. В регуляторной плоскости НТР обнажает кризисные явления, обозначает потребность в генерации новых смыслов и концепций правового регулирования, что в итоге приводит к парадигмальным сдвигам.

Категория «технологический уклад» основывается на понятии цикличности в экономике, сформулированном выдающимся отечественным экономистом Н. Д. Кондратьевым. В современной экономической литературе выделяют структурно-функциональный (Б. Карлссон, Р. Станкевич), факторный (В. И. Белоусов, А. В. Белоусов), воспроизводственный (И. В. Липсиц, А. А. Нещадин), системный (С. Ю. Глазьев, Д. С. Львов, В. И. Маевский, Й. Шумпетер, Ю. В. Яковец, Р. М. Нижегородцев, К. Перес) подходы к пониманию технологического уклада [Аверина, 2021: 53–55].

На наш взгляд, наиболее масштабно категория технологического уклада рассматривается в рамках системного подхода. В. М. Авербух технологический уклад (волну) определяет как совокупность технологий, характерных для определенного уровня развития производства [Авербух, 2010: 159]. Ученый отмечает, что переход от более низких укладов к более высоким, прогрессивным происходит в связи с научным и технико-технологическим прогрессом.

С. Ю. Глазьев под технологическим укладом предлагает понимать группы совокупностей технологически сопряженных производств, выделяемых в технологической структуре экономики, связанные друг с другом однотипными технологическими цепями и образующие воспроизводящиеся целостности. Каждый такой уклад представляет собой целостное и устойчивое образование, в рамках которого осуществляется полный макропроизводственный цикл, включая добычу и получе-

ние первичных ресурсов, все стадии их переработки и выпуск набора конечных продуктов, удовлетворяющих соответствующему типу общественного потребления [Глазьев, 2020: 16]. Это определение учитывает не только технологии, которые лежат в основе того или иного технологического уклада, но и производственные системы, которые эти технологии используют.

В. В. Глущенко предлагает одну из наиболее широких трактовок технологического уклада как комплексного объединения технологий производственной и финансовой деятельности, характерных обычаев делового оборота, процедур осуществления бизнеса, моделей управления в обществе и производстве, социально-производственных отношений на определенном этапе их исторического, социального, экономического, технологического и культурного развития [Глущенко, 2020]. Ученый делает акцент не только на технологическую, производственную, но и на институциональную составляющую и допускает, что технологический уклад может быть признан ядром социально-экономических отношений на конкретном этапе развития общества.

В настоящее время экономическая наука выделяет шесть технологических укладов (седьмой гипотетически прогнозируется). В основу шестого технологического уклада входит комплекс нано-, биоинженерных и аддитивных технологий, которые, наряду с информационно-коммуникационными и когнитивными технологиями составляют ключевой фактор роста нового технологического уклада.

Переход к шестому технологическому укладу, свидетелями и участниками которого мы являемся, во-первых, «совершается через очередную НТР, кардинально повышающую эффективность основных направлений развития экономики»; во-вторых, усложняется параллельной сменой мирохозяйственного уклада: от имперского к интегральному. Американский вековой цикл накопления капитала сменяется азиатским [Глазьев, 2022: 95]. Современное положение России характеризуется тем, что она, унаследовав от СССР технологически многоукладную экономику, после его распада испытала последствия стихийной деиндустриализации и переместилась на сырьевую периферию имперского мирохозяйственного уклада [Глазьев и др., 2020: 157].

Таким образом, с определенной долей упрощения можно предложить следующее соотношение понятий «научно-технический прогресс», «научно-техническая революция» и «технологический уклад»: если НТП представляет собой поступательное эволюционное развитие техники, технологии, приращение научного знания в отдельных областях или отраслях промышленности, то НТР связана с появлением прорывных научных открытий и технологий, коренным образом преобразующих все сферы жизни общества; это неустойчивый период скачкообразных и системных изменений, в результате которых происходит смена технологического уклада.

Революционные изменения, которые несет в себе НТР, становятся базисными для нового нарождающегося технологического уклада. Возможно, поэтому вызовы четвертой НТР и нового технологического уклада, обозначаемые в научной литературе, во многом отражают и дополняют друг друга.

К. Шваб характеризует неравенство как системный вызов четвертой промышленной революции: ее главными выгодоприобретателями являются поставщики интеллектуального или физического капитала – изобретатели, инвесторы, акционеры, что объясняет растущий разрыв в благосостоянии между теми, кто живет результатами собственного труда, и теми, кто владеет капиталом [Шваб, 2017: 23].

Неравенство, провоцируемое четвертой НТР, можно увидеть и в углублении социально-экономической «пропасти» между технологически развитыми, влиятель-

ными государствами и так называемыми странами «третьего мира»; и в нарастании неравенства среди уязвимых групп работников, в том числе гендерного неравенства в сфере труда, что объясняет интерес исследователей к этой проблематике [Рязанцева, 2017].

В числе прочих вызовов четвертой НТР и шестого технологического уклада, имеющих непосредственное влияние на трудовое правоотношение и социально-обеспечительные правоотношения, отметим следующие:

1) распространение нетипичных форм занятости (включая платформенную занятость [Головина, Лютов, 2022: 246–251]), что приводит к сужению сферы применения трудового правоотношения, предусматривающего для работников трудовые права и гарантии и возможность их защиты;

2) автоматизация и роботизация рутинного (шаблонного) труда [Лушников, Лушникова, 2019: 4] и, как следствие, массовое высвобождение людей, занятых таким трудом как в материальном производстве, так и в сфере услуг [Глазьев, 2020: 30]; уничтожение искусственным интеллектом рабочих мест без создания новых, возрастание конкуренции среди оставшихся работников и снижение их оплаты труда [Ли, Цюфань, 2022: 345] (но еще более болезненной будет ситуация, когда, проиграв конкуренцию роботам, люди могут начать сомневаться в человеческой ценности и смысле жизни);

3) алгоритмическое управление [Руз, 2021: 76–81] на рабочих местах (когда человеком руководит искусственный алгоритм);

4) появление нового класса – прекариата, характеризующегося нестабильным положением [Лушников, Лушникова, 2019: 5]; превращение общества в кастовую «социальную пирамиду», состоящую из богатой «верхушки», прослойки работников, обладающих широким спектром навыков и занятых стратегическим планированием; креативного класса и самого большого этажа этой пирамиды – беспомощных масс на грани выживания [Ли, Цюфань, 2022: 345];

5) растущая доля свободного времени вследствие высвобождения людей из трудоемких сфер деятельности [Глазьев, 2022: 113] и проблема предоставления людям, чьи рабочие места исчезли благодаря роботизации и системам искусственного интеллекта, «гарантированного минимума» (безусловного базового дохода) [Лушников, Лушникова, 2018: 61; Ли, Цюфань, 2022: 345–346] и (или) возможности переобучения;

6) усложнение структуры и качественного содержания человеческого капитала [Глазьев и др., 2020: 141], предъявление новых требований к человеческому потенциалу для формирования человеческого капитала в условиях интегрального мирохозяйственного уклада [Глазьев и др., 2020: 147];

7) размывание социальных групп, основанных на физическом ощущении солидарности [Глазьев, 2020: 30] из-за разобщения людей, предпочитающих виртуальное пространство реальному миру, в силу алгоритмического контроля и других причин; необходимость выстраивания новых моделей и способов коммуникации для защиты коллективных трудовых прав в условиях платформенной экономики;

8) эрозия ценностей труда и снижение социальной сплоченности, значительные риски материальной необеспеченности по ряду причин: в связи с утратой рабочего места, трудоспособности из-за болезней, инвалидности, старости, безработицы [Роик, 2018: 107].

По мере разворачивания целостной картины преобразований, обусловленных четвертой НТР и новым технологическим укладом, вызовы будут видоизменяться, появятся новые, но их значимость для сторон трудового правоотношения и социально-обеспечительных отношений никогда не будет одинакова.

Риски утраты работы и стабильного заработка, ухудшение качества трудовой жизни [Кучина, 2025], перспектива пополнить ряды прекариата напрямую затрагивают интересы работников. Бизнес-сообщество может считать ключевыми проблемы отсутствия достаточного количества квалифицированных кадров, требовать либерализации трудового и социально-обеспечительного законодательства для снижения фискальной нагрузки, беспрепятственной автоматизации производства, в том числе посредством систем искусственного интеллекта.

Задача государства в этих условиях кратно усложняется: не допустить дисбаланса, поддерживать хрупкое динамическое равновесие производственной и социальной функций трудового права для достижения и сохранения технологического лидерства, особенно во время перехода к новому технологическому укладу.

Указанная проблематика, особенно в контексте цифровизации, активно обсуждается учеными и практиками на протяжении двух десятков лет (как минимум). Обзор ключевых на данный момент направлений трансформации трудового и социально-обеспечительных отношений, а также контуры намечающихся регуляторных траекторий – в следующих разделах.

Трансформация трудового правоотношения: в поисках компромисса социальной и производственной функций трудового права для обеспечения технологического лидерства

Сквозные технологии и их синтез дают резкий рост инноваций не только в сфере информационных технологий, но и во многих других отраслях: промышленное производство, медицина, образование, торговля, логистика. Технологическое развитие предопределяет появление новых моделей коммуникации, в том числе в бизнесе. Отмечается переход от вертикально-интегрированных транснациональных корпораций к сетевым структурам организации бизнеса, в частности цифровым платформам.

Цифровые платформы определяются в документах Международной организации труда (МОТ), Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) прежде всего как посредники, цифровые интерфейсы или компании-операторы, которые связывают между собой поставщиков соответствующих товаров или услуг и их заказчиков[2]. Находясь в центре их взаимодействия, платформы получили возможность эффективно монополизировать, извлекать, анализировать и использовать растущие объемы регистрируемых данных [Срничек, 2021: 41].

В числе преимуществ данной модели для бизнеса – сведение практически к нулю транзакционных издержек [Макафи, Бриньолфсон, 2019: 124], снижение роли географических, временных и иных факторов, влияющих на социально-экономические процессы, институты, явления [Гелисханов, Юдина, Бабкин, 2018: 23–24], «сетевой эффект» (чем больше пользователей у платформы, тем более ценной она становится для всех остальных) [Срничек, 2021: 43], использование алгоритмов для сокращения транзакционных издержек, коррекции цен, прогнозирования поведения потребителей и заказчиков с целью направления персонализированных предложений[3] и др.

Для потребителей выгоды цифровых платформ также очевидны: простой доступ к сервисам платформы и максимально «дружелюбный» интерфейс, доступность широкого ассортимента товаров, работ и услуг как внутри страны, так и за рубежом, доставка в любую точку, где присутствует цифровая платформа, в том числе рядом с домом, возможность сравнивать цены и выбирать поставщика по его рей-

[2] Обеспечение достойного труда в платформенной экономике: доклад V (1). Международная конференция труда, 113-я сессия, 2005 г. С. 13.

[3] Там же. С. 16.

тингу и иным параметрам, мультипликационный эффект от нескольких сервисов, которые одновременно может предоставить пользователю одна платформа, и т. д.

Среди цифровых платформ в контексте настоящего исследования представляют интерес цифровые трудовые платформы (*digital labor platforms*), количество которых стремительно выросло со 193 в 2010 г. до 1070 в 2023 г.[4]

В типологии цифровых трудовых платформ получила распространение классификация в зависимости от локализации труда: платформы локального труда (платформы с привязкой к местности) и платформы удаленного труда (онлайн-платформы)[5].

По критерию трудовой автономии (границ, в пределах которых работник может самостоятельно определять содержание и процесс своего труда) А. В. Шевчук конструирует два идеальных типа платформ: «маркетплейс» и «теневая корпорация». Первый тип отличается большей свободой контрагентов коммуницировать, выбирать друг друга, обсуждать цены, выстраивать личный бренд, конкурировать между собой. Тем не менее платформа-«маркетплейс» остается структурированным пространством, в котором взаимодействие происходит в рамках установленных правил. Системы управленческого контроля на таких платформах завуалированы под рыночные сделки; контрагенты, взаимодействующие на платформе – «теневой корпорации», утрачивают контроль над ключевыми параметрами взаимодействия [Шевчук, 2020: 41–42]. Платформами локального труда, организованными по типу «теневой корпорации», являются, например, агрегаторы такси, платформы, предоставляющие услуги доставки еды (или их гибриды); по принципу цифровых платформ удаленного труда – «маркетплейсов» организованы биржи для фрилансеров и др.

Таким образом, существенные различия в «архитектуре» указанных типов цифровых трудовых платформ позволяют поддержать тезис О. В. Чесалиной о том, что использование унифицированного подхода ко всем типам платформенного труда невозможно [Chesalina, 2020: 153].

Поскольку феномен платформенной занятости, ее правовая природа, а также законодательные инициативы зарубежных стран уже были предметом фундаментальных исследований [Головина, Лютов, 2022: 246–271], сделаем лишь несколько общих «штрихов к регуляторному портрету» российских цифровых трудовых платформ на современном этапе.

Приходится констатировать, что российский законодатель воспринял цивилистическую модель регулирования платформенного труда, что подтверждается следующими примерами.

В ст. 12 Федерального закона от 29 декабря 2022 г. № 580-ФЗ «Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» в числе требований к водителю легкового такси указаны: заключение трудового договора с перевозчиком, либо наличие статуса индивидуального предпринимателя, либо наличие разрешения. Такая инвариантная формулировка свидетельствует о возможном, но совершенно необязательном наличии трудового правоотношения с водителем легкового такси.

Данный подход законодателя, а также сама процедура обсуждения законопроекта без привлечения профсоюза и профильного комитета Государственной Думы, подвергается критике в научной литературе [Лютов, Черных, 2023: 138].

Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», регламентирую-

[4] Обеспечение достойного труда в платформенной экономике. С. 18.

[5] Там же. С. 18.

щий работу маркетплейсов, агрегаторов, соединяющих продавцов с покупателями, и владельцев пунктов выдачи заказов (вступает в силу с 1 октября 2026 г., далее – Федеральный закон № 289-ФЗ), в ст. 15 прямо ориентирует на заключение с партнерами-исполнителями (индивидуальными предпринимателями (ИП) или самозанятыми) гражданско-правовых договоров при условии соответствия определенным требованиям, в частности:

выполнение заказа (конкретной работы / оказание услуги) осуществляется за вознаграждение в рамках каждого заказа отдельно, при этом исключается признак соблюдения исполнителем правил внутреннего трудового распорядка оператора или пользователя-заказчика;

не допускается выполнение дополнительных работ, оказание дополнительных услуг, не указанных в заказе;

выполнение работ не предусматривает привлечения третьих лиц, а также предоставления исполнителю дополнительных социальных гарантий за счет оператора и (или) пользователя-заказчика, если иное не предусмотрено Федеральным законом № 289-ФЗ, а также исключает предоставление исполнителю еженедельных выходных дней и отпуска, предусмотренных трудовым законодательством, хотя и не ограничивает исполнителя в использовании перерывов в работе и времени для отдыха. Возникает стойкое убеждение: данные критерии конструировались «от обратного», чтобы формально не допустить ни малейшего намека на трудовое правоотношение.

Таким образом, в складывающейся регуляторной парадигме цифровые трудовые платформы (прежде всего, платформы локального труда) «ускользают» от работодательской ответственности и связанного с ней налогового бремени, перекладывая социальные риски и на контрагента – физическое лицо, и опосредованно на государство. Труд граждан на таких платформах *de facto* может быть неотличим от выполнения работником трудовой функции. Однако, зарегистрировавшись как ИП или самозанятые на платформах, *de jure* они работниками признаны не будут.

Отметим еще один нюанс: переквалификация гражданско-правового договора на трудовой договор в соответствии со ст. 19.1 ТК РФ, которая достаточно активно применяется государственными органами при выявлении случаев фиктивной самозанятости[6], «угрожает» в первую очередь «стандартным» организациям-работодателям.

В связи с этим законодательные инициативы, имеющие целью внесение изменений в ст. 15 ТК РФ для дополнения ее новыми признаками трудового правоотношения[7], на наш взгляд, не будут иметь ожидаемого эффекта, как минимум, по двум причинам:

цифровые трудовые платформы, наращивающие использование труда, от рисков переквалификации будут защищены;

расширенный перечень критериев для разграничения гражданско-правового отношения и трудового правоотношения уже применяется судами (п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2018 г. № 18 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям»).

В отличие от платформ локального труда, правовое регулирование дистанционной занятости на онлайн-платформах еще предстоит разработать [Мингалева,

[6] См., например: постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23 апреля 2024 г. по делу № А71-2407/2023; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19 марта 2024 г. по делу № А53-18339/2023.

[7] Минтруд намерен ужесточить контроль за подменой трудовых отношений договорами ГПХ. URL: https://iossro37.ru/news/mintrud-nameren-uzhestochit-kontrol-za-podmenoy-trudovykh-otnosheniy-dogovorami-gpkh/ (дата обращения: 01.04.2026).

Шуралева 2021: 112]. Заключение гражданско-правовых договоров далеко не всегда отражает фактически зависимое положение исполнителей, выполняющих работу с помощью платформ. Эксперты полагают возможным применить к этим отношениям Конвенцию МОТ № 177 о надомном труде и отмечают сходство надомного труда и работы на цифровой платформе (разделение задач на небольшие части, работа в помещениях, не подконтрольных работодателю, стирание границ между рабочим временем и временем отдыха, вознаграждение и др.)[8]. Ситуация осложняется трансграничным характером деятельности платформ. Оптимальным вариантом гармонизации правового регулирования в текущих условиях противостояния на международной арене может быть разработка договоров и соглашений на уровне межгосударственных объединений.

Отечественное трудовое законодательство на данный момент не используется для регулирования труда на онлайн-платформах несмотря на то, что система норм о дистанционной (удаленной) работе успешно развивается. Однако тенденция дальнейшей платформизации может подорвать их эффективность.

Внедрение онлайн-платформами отдельных практик взаимодействия в отношении исполнителей (отбор и предварительная оценка деловых качеств исполнителей, рейтингование, алгоритмы распределения заказов и др.) могут свидетельствовать о постепенном сближении этих функций с полномочиями работодателя в трудовых отношениях; следовательно, возможность распространения на исполнителей хотя бы отдельных блоков прав и гарантий, которыми наделены дистанционные работники, не противоречит существу данных отношений.

Таким образом, экспериментальный статус плательщика налога на профессиональный доход открывает возможности легального привлечения дешевого труда для работы на цифровых трудовых платформах (напрашивается историческая аналогия с притоком на фабрики безземельных крестьян в результате отмены крепостного права в 1861 г.), но оставляет открытым «платформенный вопрос»: какое будущее ожидает людей, лишенных доступа не только к трудовым, но и к социально-обеспечительным правам и гарантиям?

Вопрос отнюдь не праздный, поскольку платформизация экономики [Андрущук, Длусская, Мальсагова, 2023] охватывает все новые сферы, включая научные исследования. Так, существуют специализированные платформы для размещения (поиска) заказов на проведение НИОКР, создания портфолио научных работников и более эффективного формирования научных коллективов (Science-ID, CoLab.ws), для продвижения отечественного оборудования и материалов для научных исследований (НАША ЛАБА), а также решения ряда иных задач. Их использование отличается тем, что вся инфраструктура формируется на базе платформы-посредника. Не отрицая важности различных форм привлечения научных и педагогических работников к НИОКР, отметим, что трудовое правоотношение должно все же оставаться основной формой привлечения к труду, а получение заказов посредством платформ – хоть и значимым, но дополнительным источником финансирования научных проектов.

Помимо рисков сужения сферы применения трудового правоотношения и разрастания прекарной занятости, переход к новому технологическому укладу влияет на трансформацию трудового правоотношения «изнутри». Обозначим некоторые ее направления.

Происходит изменение пространственных параметров выполнения трудовой функции: барьер государственных границ и расстояний успешно преодолевается

[8] Promoting employment and decent work in a changing landscape. Report of the Committee of Experts on the Application of Conventions and Recommendations (articles 19, 22 and 35 of the Constitution). Report III (Part B). 2020. P. 234.

с помощью внедрения дистанционной (удаленной) работы, на очереди – взаимопроникновение реального и виртуального миров. По мнению И. А. Филиповой, прогнозируемое развитие метавселенных повлечет их экспансию в сфере труда [Филипова, 2023: 64].

Использование технологий искусственного интеллекта в процессе организации труда, а также коллаборации работника-человека с роботами, ИИ-агентами приводит к новому представлению о содержании и сущности труда, трудовой функции, субъектном составе правоотношения. К. Л. Томашевский и И. А. Филипова, обосновывая концепцию цифрового трудового правоотношения, полагают что его субъектами смогут выступать не только традиционные работник и работодатель, но и цифровой работник либо цифровой работодатель [Томашевский, Филипова, 2025: 134–136]. Признавая оригинальность высказанных суждений, думаем все же, что наделение правосубъектностью цифрового двойника (какой-либо иной имитации работника / работодателя в виртуальной среде), а равно ИИ-агента требует серьезного обоснования. Полагаем, что на данном этапе развития информационных технологий программы подобного рода являются инструментами, но не самостоятельными субъектами правоотношений.

Представляет интерес выделяемая Н. В. Черных и Д. И. Воронцовым концепция технотруда как формы трудовой деятельности, в которой работник выполняет задачи в тесном взаимодействии с цифровыми и автономными технологиями [Черных, Воронцов, 2025: 99]. Одним из проблемных аспектов является вопрос распределения ответственности за действия, совершенные с помощью указанных технологий.

Алгоритмический контроль на основе сбора и анализа данных о деятельности работника (производительность сотрудника, его перемещение в пространстве, рабочая активность, биометрические данные и т. д.) не просто является инструментом повышения эффективности управления трудом, но порождает комплекс правовых и этических проблем, включая новый уровень дискриминации, риски непрозрачности кадровых решений («black box»), когда работник или соискатель не обладает информацией об установленных критериях оценки своей деятельности, а работодатель не всегда может предсказать логику принятия ИИ решений.

Возможность организации постоянного наблюдения за работником, который находится с работодателем на связи в рабочее время и даже вне его, ставит вопрос об обеспечении права на неприкосновенность частной жизни в трудовом правоотношении [Шуралева, 2022; Серова, Щербакова, 2023]. Следует согласиться с тезисом С. Ю. Головиной об отставании трудового законодательства от сегодняшних потребностей в части регламентации использования ИИ при цифровом профилировании работников [Головина, 2025: 109]. Видится правильной постановка вопроса о цифровом суверенитете работника, который сейчас во многом лишен возможности контролировать массив данных, аккумулируемых и формируемых работодателем о работнике в период трудового правоотношения.

В области безопасности и охраны труда намечается трансформация подхода к правовому регулированию охраны труда [Головина, Щербакова, 2022], в том числе с учетом влияния психоэмоциальных факторов, а в конечном счете – ориентации на обеспечение качества трудовой жизни.

Полагаем, что это далеко не полный перечень вопросов, актуальных не только в национальном, но и в мировом масштабе, для государств, находящихся на разных этапах перехода к новому технологическому укладу. Принимаемые на уровне трудового законодательства и правоприменительной практики решения не всегда отвечают критерию системности, имеют точечный характер. Кризисные явления,

нарастание правовой энтропии позволяют ученым говорить о необходимости смены парадигмы трудового права [Иванчина, 2023: 20]. В связи с этим исследование направлений трансформации трудового правоотношения, ее тенденций, закономерностей и взаимосвязей с иными процессами будет сохранять актуальность.

Трансформация социально-обеспечительных отношений в целях сохранения социальной солидарности и достижения социальной сплоченности общества

Переход от индустриального к постиндустриальному обществу, изменение технологического уклада влияют не только на сферу занятости, но и на систему социального обеспечения. Массовое замещение работников самозанятыми (от 0,8 % самозанятых в соотношении с наемными работниками в 2020 г. до 24,2 % в 2026 г. [Соловьев, 2025: 31–32]) лишает устойчивости материальную основу системы обязательного социального страхования. Результатом этого станет отсутствие защиты от важнейших социальных рисков у тех, кто в данных системах не застрахован. Отказ от солидарности в пользу индивидуализма может привести к ослаблению и самих систем, увеличению дефицита их финансирования. В результате даже тот работник, на которого работодатель производит необходимые отчисления, не сможет получить адекватного возмещения в старости.

Еще одно важнейшее изменение в сфере занятости, происходящее под влиянием инноваций, заключается в уменьшении доли «простых» рабочих мест в пользу новых, более сложных и технологичных. Однако это нельзя считать замещением в полном смысле слова, поскольку количество «новых» рабочих мест априори меньше. Новые рабочие места требуют от работника более высокой квалификации, гибкости в организации труда, готовности постоянно повышать профессиональный уровень, нередко сопряжены с частой сменой работы и периодами незанятости, такие рабочие места не могут быть массовыми. Какие сложности это создает для системы социального обеспечения? Во-первых, существенная часть населения, оказавшаяся вследствие развития новых технологий и искусственного интеллекта без работы (постоянно или временно), будет нуждаться в социальной поддержке. Во-вторых, между этим населением и работниками, занятыми в технологичном секторе, будет усиливаться разрыв по ряду важных параметров: заработная плата и доходы в целом, длительность трудовой деятельности, специфика ее организации, удовлетворенность полнотой социальной реализации. В. Д. Роик справедливо писал по этому поводу, что усредненные вероятностные характеристики социальных рисков, применимые к массовым индустриальным видам профессиональной деятельности, к новым формам организации труда не подходят. Узкоспециализированный труд требует более точного учета специфики рисков профессиональной деятельности и, как следствие, индивидуализации форм социальной защиты. Постепенно это может привести к отказу от «культуры солидарности», традиционной для системы социального обеспечения [Роик, 2019: 286–287].

Нет сомнений, что обозначенные перемены повлекут значительное увеличение бюджетных расходов на социальное обеспечение, но приведут ли они к повышению уровня социальной защиты граждан? Многие государства сейчас ищут пути трансформации своих систем социального обеспечения с тем, чтобы ответ на этот вопрос был положительным.

Российская система социального обеспечения также сталкивается с вызовами, обусловленными трансформацией структуры занятости и внедрением современных технологий, она меняется. Необходимо, чтобы эти изменения опирались на

четкий ориентир в виде конституционного положения о социальности российского государства, и очень важно, чтобы происходящий отход от всеобщего участия работников в единой системе обязательного социального страхования не привел к отказу от принципа социальной солидарности вообще.

Социальное страхование, основанное на социальной солидарности, продолжает оставаться одним из выдающихся достижений человечества, его потенциал далеко не исчерпан. Ю. В. Воронин справедливо отмечает, что национальные системы социального обеспечения должны базироваться на механизмах социального перераспределения средств. В этом и заключается идеология социальной солидарности, противоположная идеологии индивидуального эгоизма. На этом основана концепция социального мира, исключающая социальные потрясения в обществе [Габов, Путило, 2015].

Думается, что независимо от вида договора о труде и от налогового статуса, каждому работающему россиянину должно быть предоставлено право участия в системе обязательного социального страхования, в особенности пенсионного. Работники вправе сами решать, получать им в старости социальную или страховую пенсию. Надо дать им возможность самостоятельно определять размер платежа, но взамен установить порядок, при котором страховая пенсия им будет устанавливаться в размере, эквивалентном перечисленным взносам. Пенсионная система от такого решения только выиграет [Захаров, Воронин, 2017: 56; авторы параграфа – Ю. В. Воронин, А. Л. Сафонов].

Наряду с укреплением системы обязательного социального страхования, нельзя упускать из внимания и другую тенденцию – рост числа незанятых либо эпизодически занятых трудовой деятельностью лиц ввиду изменения технологического уклада, получившую название «технологическая безработица» [Жаворонков, 2019: 109]. Возможно, пока эта тенденция проявлена в России в меньшей степени, чем в технологически развитых странах. Например, к середине 2025 г. плотность роботизации в России была в 2,5–3 раза ниже мирового среднего уровня и в 15–20 раз ниже Южной Кореи – мирового лидера по количеству роботов на 10 000 работников[9]. Тем не менее перспективы дальнейшего движения в этом направлении очевидны, они угрожают отсутствием работы и доступа к социальному страхованию для все большего числа россиян.

Чем можно ответить на этот вызов, имеющий глобальный характер? На рубеже XX–XXI столетий в странах Европы, а затем и за ее пределами получила развитие концепция безусловного базового дохода (ББД, также: универсальный базовый доход (UBI)), основанная на целесообразности выплаты определенной суммы каждому члену общества вне зависимости от уровня дохода и наличия трудовой деятельности. В 1986 г. появилась Европейская сеть базового дохода, позднее преобразованная во Всемирную сеть базового дохода (*Basic Income Earth Network – BIEN*). Эта международная сеть координирует исследования и эксперименты в области базового дохода[10].

Отношение к концепции ББД среди исследователей различается от абсолютной ее поддержки до признания утопической [Parijs, 2013]. Неоднозначные оценки высказывают и российские ученые [Бобков, 2023; Филипова, Стешина, 2024], при этом юридическая наука – скорее осторожные. В частности, ученые отмечают такие ри-

[9] Progress is underway: how has Russia progressed in the field of industrial robotics // Известия. 2025. 15 июня. URL: https://en.iz.ru/en/1903790/maksim-bazanov/progress-underway-how-has-russia-progressed-field-industrial-robotic (дата обращения: 25.03.2026).

[10] Сайт BIEN. URL: https://basicincome.org/ (дата обращения: 27.03.2026).

ски от введения ББД, как: невозможность реализовать принцип дифференциации социального обеспечения в зависимости от трудового вклада, причин нуждаемости и иных социально значимых обстоятельств; отрицательное влияние на мотивацию к труду, поскольку ББД не связан с результатами труда и не решает задачу наиболее полной компенсации утраченного заработка; невыполнение минимальных стандартов социального обеспечения, установленных конвенциями МОТ и гарантирующих определенный размер пенсий и пособий по отношению к утраченному заработку [Жаворонков, 2019: 114].

В российской системе социального обеспечения есть нечто похожее на базовый доход (хотя он и не в полной мере безусловный) – это система детских пособий, которая является базовым доходом для родителей и иных законных представителей детей. Перспективы более широкого использования данной концепции в России пока представляются нереалистичными. И причина не только в ее высокой затратности, но и в негативных культурологических последствиях, поскольку она превращает трудящихся в рантье и влечет риски концептуального изменения мышления человека [Саввина, Степанова, 2018; Шипилов, 2018]. Возможно, именно поэтому МОТ не продвигает идею безусловного базового дохода как таковую, а оценивает ее через призму существующих стандартов социального обеспечения.

Рекомендация МОТ № 202 (2012) о минимальных уровнях социальной защиты закрепляет положение о том, что такой минимальный уровень должен включать, по меньшей мере, следующие основные гарантии социального обеспечения: важнейшие медицинские услуги, гарантии дохода для детей, для трудоспособных лиц, не способных зарабатывать достаточный доход, а также для пожилых людей, позволяющие им жить с достоинством. На первый взгляд, это положение перекликается с идеей ББД, но по сути оно говорит о другом: соблюдение минимальных уровней социальной защиты – это стратегия расширения сферы охвата социального обеспечения, которая последовательно гарантирует более высокие уровни социального обеспечения для максимально широких слоев населения с учетом существующих норм, в частности Конвенции МОТ № 102[11].

В завершение необходимо упомянуть о еще одном очень серьезном факторе, который определяет социальную политику экономически развитых стран, как минимум, последние 30 лет. Он связан с ростом продолжительности жизни и, как следствие, с увеличением доли лиц старшего возраста, нуждающихся в дорогостоящих лекарствах и длительном уходе. Пусть неочевидно, но данная тенденция также связана с переходом к постиндустриальному обществу и НТР. В значительной мере именно развитие технологий, вследствие которого произошло замещение массового физического труда умственным, улучшение техники безопасности и охраны труда позволяют людям сохранять здоровье и жить дольше. Но эта, безусловно положительная тенденция имеет побочный эффект в виде «старения населения». Как известно, данный феномен выражается в увеличении доли лиц старших возрастов в общей структуре населения.

В последние десятилетия XX в. старение населения оказалось вызовом для экономически развитых государств, а позднее – и для большинства других стран. В сфере труда старение населения потребовало пересмотра политики занятости в отношении лиц пожилого возраста, поиска баланса между занятостью старших возрастных групп и молодежи. В сфере права социального обеспечения возникли гораздо

[11] Социальное обеспечение для всех: стратегия Международной организации труда; создание минимальных уровней социальной защиты и всеобщих систем социального обеспечения. Краткое описание / Международная организация труда; Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. М.: МБТ, 2013. С. 76.

более серьезные вопросы, в первую очередь связанные с обеспечением пожилым людям эффективного долговременного ухода и повышением уровня их материального обеспечения, позволяющего вести достойный образ жизни.

На важность создания системы долговременного ухода в отечественной науке одним из первых обратил внимание В. Д. Роик. Уважаемый ученый более 15 лет назад писал о важности развития этого направления как альтернативы традиционному социальному обслуживанию [Роик, 2012; Роик, 2013]. Среди прочего, для развития системы долговременного ухода В. Д. Роик предлагал ввести специальное страхование на случай старости (гериатрическое страхование как часть комплексной модели с медицинским и пенсионным) и системы гериатрического ухода для оценки рисков и планирования жизни в старости [Роик, 2015; Роик, 2014]. Финансовую основу данного вида страхования ученый определял как смешанную, с участием не только государства и работодателей, но и работников. Перспективы введения такого вида страхования в России пока не обсуждаются, но понятие «долговременный уход» уже уверенно вошло в научный и практический дискурс.

Главным законодательным толчком к этому стала задача увеличения ожидаемой продолжительности жизни россиян и увеличение ожидаемой здоровой жизни как одна из национальных целей развития Российской Федерации[12]. Достижение этой цели требует комплексных мер, которые вначале были апробированы в ряде субъектов РФ в качестве пилотного проекта, а позднее воплотились в типовой модели долговременного ухода[13], распространив действие на всю территорию страны.

В работах на эту тему говорится, что в 2024 г. в субъектах РФ практически были созданы системы долговременного ухода, которые предоставляют социальные и медицинские услуги в стационарной, полустационарной форме и на дому, с привлечением патронажных служб и сиделок, а также иные услуги [Сергеева, Максимова, 2025]. В связи с этим возникает важный для права социального обеспечения вопрос о том, следует ли рассматривать систему долговременного ухода как новый вид услуг в рамках социального обслуживания или это самостоятельное правовое явление.

Однозначного ответа на этот вопрос нет. Однако специалисты в сфере права социального обеспечения отмечают не только понятийную близость данной категории к традиционному для отрасли понятию «постоянный посторонний уход», но и делают выводы о том, что данные правовые явления совпадают по своей сути, модель долговременного ухода отражает недочеты, свойственные действующим правоотношениям в сфере социального обслуживания [Маматказин, 2025]. Уверены, что максимально точное определение сущности правового явления обеспечивает эффективность правового регулирования и целесообразное использование финансовых средств. Ведь уже в ближайшее время расходы бюджета на социальное обеспечение пожилых граждан, включая пенсионное, медицинское и по уходу, могут стать крайне высокими.

Выводы

Воспроизводство человеческого и интеллектуального капитала с точки зрения системного подхода выступает подсистемой технологического уклада, поэтому при смене укладов меняется не только количественная оценка человеческого капитала,

[12] О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 (утратил силу).

[13] О реализации в Российской Федерации в 2025 г. Типовой модели системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, нуждающимися в уходе: приказ Минтруда России от 27 декабря 2024 г. № 732.

но и его качественное содержание, усложняется структура [Глазьев и др., 2020: 141]. Следовательно, смена технологических укладов, происходящая в настоящее время, не может обойти стороной правовое регулирование труда, занятости и социального обеспечения, функционально взаимоувязанных между собой.

Учитывая сохраняющуюся многоукладность отечественной экономики, а также протяженный характер перехода от одного экономического уклада к другому (не «в одночасье»), полагаем, что многие институты «классического» трудового права индустриальной эпохи определенное время будут существовать параллельно с новыми явлениями.

Однако верно и то, что нельзя «вливать новое вино в старые меха», а значит, поиск новых регуляторных моделей необходим. Для трудового правоотношения новыми вызовами являются, прежде всего, технологические факторы (технологии искусственного интеллекта, коллаборации человека и робота, конвергенция виртуальной среды и физического мира, возможность тотального «погружения» и длительного пребывания в виртуальном мире с перспективой переноса туда своих интересов, ценностей, приоритетов), а также социальные факторы (прекаризация общества за счет исключения значительного числа людей из сферы трудового права и права социального обеспечения без предоставления какого-либо эквивалента).

Так, в вопросе правового регулирования труда, используемого цифровыми трудовыми платформами, пока торжествует либеральный подход: гражданско-правовые договоры с исполнителями в статусе самозанятых или ИП, отсутствие социальных гарантий за счет оператора и (или) пользователя-заказчика, если иное не предусмотрено Федеральным законом № 289-ФЗ, и т. д.

Не нужно обладать даром предвидения, чтобы понять: такая модель правового регулирования, помноженная на «экспериментальный» (неопределенный) статус самозанятых в сфере социального обеспечения, приведет массу людей в разряд прекариев.

Баланс между гибкостью рынка труда, которую дают цифровые платформы, и социальной защищенностью человека, которую обязано гарантировать государство, является ключевым вопросом, от которого зависит в том числе безопасность и технологическое лидерство страны. Важен антропоцентрический подход, при котором алгоритмы служат человеку, а не порабощают его, социальные гарантии не зависят от юридической формы договора. Подчеркнем эту мысль: достижение технологического лидерства плохо сочетается с бесправным и второсортным положением человека труда.

В заключение важно отметить, что вопросы старения населения имеют глобальный характер и высокую социальную значимость. Поиск решения не должен ограничиваться только сферой экономики и права, хотя и зависит от них в первую очередь. Государству нельзя забывать и про гуманистическую сторону проблемы: необходимость изменения отношения к пожилым людям в обществе, формирование концепции «общества для всех возрастов», воспитание толерантности. Если эти ориентиры станут приоритетными для российского социума и власти, то достижение высокого качества трудовой жизни и социальная сплоченность общества станут реальностью.

Библиографический список

Chesalina O. Platform Work as a New Form of Employment: Implications for Labor and Social Law // New Forms of Employment: Current Problems and Future Challenges. – Wiesbaden: Springer, 2020. – P. 153–167.

Parijs Ph. Van. The Universal Basic Income: Why Utopian Thinking Matters, and How Sociologists Can Contribute to It // Politics & Society. – 2013. – Vol. 41 (2). – P. 171–182. – DOI: 10.1177/0032329213483106. – URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0032329213483106 (дата обращения: 21.03.2026).

Авербух В. М. Шестой технологический уклад и перспективы России (краткий обзор) // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2010. – № 71. – С. 159–166.

Аверина И. С. Промышленная революция и технологический уклад: сущностные характеристики, сходства и отличительные черты // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2021. – Т. 23. – № 1. – С. 52–63.

Андрущук В. В., Длусская В. В., Мальсагова Р. Г. Платформизация как неизбежный процесс становления цифровой экономики России // Экономика строительства. – 2023. – № 4. – С. 56–62.

Бобков В. Н. Парадигма базового дохода и ее влияние на возможности развития человеческого потенциала // Вестник Института социологии. – 2023. – Т. 14. – №4. – С. 18–37.

Воронцов С. Г. Роль трудового права в обеспечении прогресса научного творчества: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Пермь, 2007. – 20 с.

Гелисханов И. З., Юдина Т. Н., Бабкин А. В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. – 2018. – Т. 11. – № 6. – С. 22–36.

Глазьев С. Ю. Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов // AlterEconomics. – 2022. – Т. 19. – № 1. – С. 93–115.

Глазьев С. Ю. Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов // Экономическое возрождение России. – 2020. – № 2 (64). – С. 15–32.

Глущенко В. В. Научная теория технологических укладов и ее применение в управлении социально-экономическим развитием // Современные научные исследования и инновации. – 2020. – № 2. – URL: http://web.snauka.ru/issues/2020/02/91454 (дата обращения: 30.03.2026).

Головина С. Ю. Применение технологии искусственного интеллекта при формировании цифрового профиля работника // Бизнес, менеджмент и право. – 2025. – № 4 (68). – С. 104–109.

Головина С. Ю., Щербакова О. В. Новая эра в охране труда работников: безопасная и здоровая среда как одна из целей устойчивого развития // Медицина труда и промышленная экология. – 2022. – Т. 62. – № 5. – С. 344–352.

Жаворонков Р. Н. Безусловный основной доход – будущее социального обеспечения? // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2019. – № 11. – С. 106–116.

Иванчина Ю. В. Эволюция парадигмы трудового права и факторы, ее опосредующие // Ежегодник трудового права. – 2023. – Вып. 13. – С. 7–25.

Кудрин С. М. Обеспечение прогресса технического творчества средствами трудового права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Пермь, 1998. – 24 с.

Кучина Ю. А. Влияние технологических факторов на качество трудовой жизни российских граждан // European and Asian Law Review. – 2025. – Т. 8. – № 4. – С. 25–34.

Ли К., Цюфань Ч. ИИ-2041. Десять образов будущего. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022. – 432 с.

Лушников А. М., Лушникова М. В. О будущем трудового права в эпоху перемен // Herald of The Euro-Asian Law Congress. – 2018. – № 1. – С. 55–65.

Лушников А. М., Лушникова М. В. Четвертая научно-техническая революция и трудовое право: реальные вызовы // Трудовое право в России и за рубежом. – 2019. – № 2. – С. 3–6.

Лютов Н. Л., Черных Н. В. Трудовое право в условиях больших вызовов. – М.: Проспект, 2023. – 176 с.

Макафи М., Бриньолфсон Э. Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 368 с.

Маматказин И. Р. Постоянный посторонний уход: вопросы становления, развития и модели реализации // Социальное и пенсионное право. – 2025. – № 4. – С. 13–21.

Мингалева Ж. А., Шуралева С. В. Дистанционная занятость на онлайн интернет-платформах: современное состояние и проблемы правового регулирования в России // Ex Jure. – 2021. – № 2. – С. 102–117.

Негру Ф. П. Научно-технический прогресс и трудовой договор (некоторые вопросы): автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1972. – 26 с.

О формировании человеческого капитала на разных этапах социально-экономического развития / С. Ю. Глазьев [и др.] // Государственное управление. Электронный вестник. – 2020. – Вып. 82. – С. 140–170.

Право и социальное развитие: новая гуманистическая иерархия ценностей: моногр. / отв. ред. А. В. Габов, Н. В. Путило. – М.: Инфра-М, 2015. – 272 с.

Родионов П. В. Дискретность развития инновационной экономики: автореф. дис. … канд. экон. наук. – М., 2012. – 27 с.

Роик В. Д. Архитектура пенсионных институтов России // Журнал НЭА. – 2015. – № 3 (27). – С. 184–189.

Роик В. Д. Пенсионная система России: вызовы и пути модернизации. – СПб.: Питер, 2012. – 256 с.

Роик В. Д. Страхование рисков старости. Медицинское, гериатрическое и пенсионное. – СПб.: Питер, 2014. – 400 с.

Роик В. Д. Труд, его эволюция и перспективы // Народонаселение. – 2018. – Т. 21. – № 1. – С. 97–108. – DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-1-08.

Роик В. Д. Экономика развития: неравенство, бедность и развитие: учеб. пособие для вузов. – М.: Юрайт, 2019. – 474 с.

Роик В. Д. Экономика, финансы и право социального страхования: институты и страховые механизмы. – М.: Альпина Паблишер, 2013. – 257 с.

Руз К. Устойчивы к будущему. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. – 256 с.

Рязанцева М. В. Новые вызовы «четвертой индустриальной революции»: навстречу гендерному равенству // Стратегии бизнеса. – 2017. – № 9 (41). – С. 3–7.

Саввина О. В., Степанова Д. И. Эффекты реализации концепции безусловного базового дохода // Устойчивое развитие науки и образования. – 2018. – № 9. – С. 10–14.

Сергеева А. В., Максимова М. Н. Специфика системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами // Международный научно-исследовательский журнал. – 2025. – № 10 (160). – DOI: 10.60797/IRJ.2025.160.62.

Серова А. В., Щербакова О. В. Концепция права на неприкосновенность частной жизни в сфере труда в свете развития цифровой экономики // Государство и право. – 2023. – № 10. – С. 90–99.

Сойфер В. Г. Правовое регулирование хозяйственных и трудовых отношений, связанных с созданием и внедрением новой техники: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1966. – 21 с.

Соловьев А. К. Проблемы развития государственной пенсионной системы для достижения национальных целей // Социальное и пенсионное право. – 2025. – № 4. – С. 22–35.

Социальное обеспечение: настоящее и будущее: моногр. / отв. ред. М. Л. Захаров, Ю. В. Воронин. – М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ; Юрид. фирма «Контракт», 2017. – 284 с.

Срничек Н. Капитализм платформ. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. – 128 с.

Томашевский К. Л., Филипова И. А. Концепция цифрового трудового правоотношения // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2025. – Т. 18. – № 4. – С. 114–142.

Трофимов Г. Когда и почему наука становится производительной силой // Монокль. – 2025. – № 43. – С. 36–40.

Трудовое право и научно-технический прогресс: моногр. / под ред. С. А. Иванова. – М.: Наука, 1974. – 562 с.

Трудовое право: национальное и международное измерение / под ред. С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова. – М.: Норма, 2022. – Т. 2: Трансформация трудовых отношений и проблемы отдельных институтов права. Нетипичная занятость. – 568 с.

Филипова И. А., Стешина О. М. Введение безусловного базового дохода как вероятное следствие интеллектуальной автоматизации сферы труда // Russian Journal of Economics and Law. – 2024. – № 18 (3). – С. 824–841. – URL: https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.824-841.

Филипова И. А. Метавселенные: как их развитие повлияет на работников и работодателей // Ежегодник трудового права. – 2023. – № 13. – С. 45–64.

Черных Н. В., Воронцов Д. И. Технотруд: к постановке вопроса о направлениях развития трудовых отношений в условиях развития систем искусственного интеллекта и роботизации производства // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – Т. 20. – № 12 (181). – С. 90–101.

Шалито Н. Б. Правовые вопросы участия рабочих и служащих в рационализации производства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Л., 1967. – 23 с.

Шваб Ч. Четвертая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2017. – 208 с.

Шевчук А. В. От фабрики к платформе: автономия и контроль в цифровой экономике // Социология власти. – 2020. – № 32 (1). – С. 30–54.

Шептулина Н. Н. Технический прогресс и вопросы правового регулирования труда женщин в СССР: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1972. – 25 с.

Шипилов А. В. Будущее постсовременного общества: вперед в прошлое? // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2018. – Т. 21. – № 1. – С. 7–26.

Шуралева С. В. Право на неприкосновенность частной жизни в трудовом правоотношении: теоретические проблемы правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – № 57. – С. 527–551.

References

Andrushchuk, V. V. & Dlusskaya, V. V. & Mal`sagova, R. G. (2023) Platformizatsiya kak neizbezhnyi protsess stanovleniya tsifrovoi ekonomiki Rossii [Platformization as an inevitable process of the formation of Russia’s digital economy]. *Ekonomika stroitel`stva,* (4), 56–62.

Averbukh, V. M. (2010) Shestoi tekhnologicheskii uklad i perspektivy Rossii (kratkii obzor) [The sixth technological order and prospects of Russia (a brief overview)]. *Vestnik Stavropol`skogo gosudarstvennogo universiteta,* (71), 159–166.

Averina, I. S. (2021) Promyshlennaya revolyutsiya i tekhnologicheskii uklad: sushchnostnye kharakteristiki, skhodstva i otlichitel`nye cherty [Industrial revolution and technological order: essential characteristics, similarities and distinctive features]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, 23 (1), 52–63.

Bobkov, V. N. (2023) Paradigma bazovogo dokhoda i ee vliyanie na vozmozhnosti razvitiya chelovecheskogo potentsiala [The basic income paradigm and its impact on human development opportunities]. *Vestnik Instituta sotsiologii*, 14 (4), 18–37.

Chernykh, N. V. & Vorontsov, D. I. (2025) Tekhnotrud: k postanovke voprosa o napravleniyakh razvitiya trudovykh otnoshenii v usloviyakh razvitiya sistem iskusstvennogo intellekta i robotizatsii proizvodstva [Techno-labor: on the question of the development directions of labor relations in the context of the development of artificial intelligence systems and robotization of production]. *Aktual`nye problemy rossiiskogo prava*, 20 (12:181), 90–101.

Chesalina, O. (2020) Platform Work as a New Form of Employment: Implications for Labor and Social Law. *New Forms of Employment: Current Problems and Future Challenges*. Wiesbaden, Springer, 153–167.

Filippova, I. A. & Steshina, O. M. (2024) Vvedenie bezuslovnogo bazovogo dokhoda kak veroyatnoe sledstvie intellectual`noi avtomatizatsii sfery truda [Introduction of unconditional basic income as a probable consequence of intellectual automation of the labor sphere]. *Russian Journal of Economics and Law*, 18 (3), 824–841, DOI: 10.21202/2782-2923.2024.3.824-841.

Filippova, I. A. (2023) Metavselennye: kak ikh razvitie povliyaet na rabotnikov i rabotodatelei [Metaverses: how their development will affect employees and employers]. *Ezhegodnik trudovogo prava*, (13), 45–64.

Gabov, A. V. & Putilo, N. V. (eds.) (2015) *Pravo i sotsial`noe razvitie: novaya gumanisticheskaya ierarkhiya tsennostei* [Law and social development: a new humanistic hierarchy of values]: monography. Moscow, Infra-M, 272.

Geliskhanov, I. Z. & Yudina, T. N. & Babkin, A. V. (2018) Tsifrovye platformy v ekonomike: sushchnost`, modeli, tendentsii razvitiya [Digital platforms in the economy: essence, models, development trends]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU*, 11 (6), 22–36.

Glaz`ev, S. Yu. (2020) Noonomika kak sterzhen` formirovaniya novogo tekhnologicheskogo i mirokhozyaistvennogo ukladov [Noonomics as the core of the formation of a new technological and world economic order]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*, (2:64), 15–32.

Glaz`ev, S. Yu. (2022) Global`naya transformatsiya cherez prizmu smeny tekhnologicheskikh i mirokhozyaistvennykh ukladov [Global transformation through the prism of changing technological and world economic orders]. *AlterEconomics*, 19 (1), 93–115.

Glaz`ev, S. Yu., et al. (2020) O formirovanii chelovecheskogo kapitala na raznykh etapakh sotsial`no-ekonomicheskogo razvitiya [On the formation of human capital at different stages of socio-economic development]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik*, (82), 140–170.

Glushchenko, V. V. (2020) Nauchnaya teoriya tekhnologicheskikh ukladov i ee primenenie v upravlenii sotsial`no-ekonomicheskim razvitiem [Scientific theory of technological orders and its application in the management of socio-economic development]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii*, (2), available at: http://web.snauka.ru/issues/2020/02/91454 (accessed: 30.03.2026).

Golovina, S. Yu. & Lyutov, N. L. (eds.) (2022) *Trudovoe pravo: national`noe i mezhdunarodnoe izmerenie* [Labor law: national and international dimension]: monography. Moscow, Norma, (2), 568.

Golovina, S. Yu. & Shcherbakova, O. V. (2022) Novaya era v okhrane truda rabotnikov: bezopasnaya i zdorovaya sreda kak odna iz tselei ustoichivogo razvitiya [A new era in occupational safety and health: a safe and healthy environment as one of the sustainable development goals]. *Meditsina truda i promyshlennaya ekologiya*, 62 (5), 344–352.

Golovina, S. Yu. (2025) Primenenie tekhnologii iskusstvennogo intellekta pri formirovanii tsifrovogo profilya rabotnika [Application of artificial intelligence technology in the formation of a digital profile of an employee]. *Biznes, menedzhment i pravo*, (4:68), 104–109.

Ivanchina, Yu. V. (2023) Evolyutsiya paradigmy trudovogo prava i faktory, ee oposreduyushchie [Evolution of the labor law paradigm and the factors mediating it]. *Ezhegodnik trudovogo prava*, (13), 7–25.

Ivanov, S. A. (ed.) (1974) *Trudovoe pravo i nauchno-tekhnicheskii progress* [Labor law and scientific and technological progress]: monography. Moscow, Nauka, 562.

Kuchina, Yu. A. (2025) Vliyanie tekhnologicheskikh faktorov na kachestvo trudovoi zhizni rossiiskikh grazhdan [The Impact of Technological Factors on the Quality of Working Life of Russian Citizens]. *European and Asian Law Review*, 8 (4), 25–34.

Kudrin, S. M. (1998) Obespechenie progressa tekhnicheskogo tvorchestva sredstvami trudovogo prava [Ensuring the progress of technical creativity by means of labor law]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis. Perm`, 24.

Lee, K. & Qiufan, C. (2022) II-2041. Desyat` obrazov budushchego [AI-2041. Ten images of the future]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 432.

Lushnikov, A. M. & Lushnikova, M. V. (2018) O budushchem trudovogo prava v epokhu peremen [On the future of labor law in an era of change]. *Herald of The Euro-Asian Law Congress*, (1), 55–65.

Lushnikov, A. M. & Lushnikova, M. V. (2019) Chetvertaya nauchno-tekhnicheskaya revolyutsiya i trudovoe pravo: real`nye vyzovy [The fourth scientific and technological revolution and labor law: real challenges]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom*, (2), 3–6.

Lyutov, N. L. & Chernykh, N. V. (2023) *Trudovoe pravo v usloviyakh bol`shikh vyzovov* [Labor law in the context of great challenges]. Moscow, Prospekt, 176.

Makafi, M. & Brin'olfson, E. (2019) *Mashina, platforma, tolpa. Nashe tsifrovoe budushchee* [Machine, platform, crowd. Our digital future]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 368.

Mamatkazin, I. R. (2025) Postoyannyi postoronnii ukhod: voprosy stanovleniya, razvitiya i modeli realizatsii [Permanent extraneous care: issues of formation, development and implementation models]. *Sotsial`noe i pensionnoe pravo*, (4), 13–21.

Mingaleva, Zh. A. & Shuraleva, S. V. (2021) Distantsionnaya zanyatost` na onlain internet-platformakh: sovremennoe sostoyanie i problemy pravovogo regulirovaniya v Rossii [Remote employment on online internet platforms: current state and problems of legal regulation in Russia]. *Ex Jure*, (2), 102–117.

Negru, F. P. (1972) *Nauchno-tekhnicheskii progress i trudovoi dogovor (nekotorye voprosy)* [Scientific and technological progress and the employment contract (some issues)]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis. Moscow, 26.

Parijs, Ph. Van (2013) The Universal Basic Income: Why Utopian Thinking Matters, and How Sociologists Can Contribute to It. *Politics & Society*, 41 (2), 171–182, DOI: 10.1177/0032329213483106.

Rodionov, P. V. (2012) *Diskretnost` razvitiya innovatsionnoi ekonomiki* [Discreteness of innovative economy development]: autoabstr. of cand. ekon. sc. thesis. Moscow, 27.

Roik, V. D. (2012) Pensionnaya sistema Rossii: vyzovy i puti modernizatsii [The pension system of Russia: challenges and ways of modernization]. Saint-Petersburg, Piter, 256.

Roik, V. D. (2013) *Ekonomika, finansy i pravo sotsial`nogo strakhovaniya: instituty i strakhovye mekhanizmy* [Economics, finance and law of social insurance: institutions and insurance mechanisms]. Moscow, Al`pina Pablisher, 257.

Roik, V. D. (2014) *Strakhovanie riskov starosti. Meditsinskoe, geriatricheskoe i pensionnoe* [Insurance of old age risks. Medical, geriatric and pension]. Saint-Petersburg, Piter, 400.

Roik, V. D. (2015) Arkhitektura pensionnykh institutov Rossii [The architecture of pension institutions in Russia]. *Zhurnal NEA*, (3:27), 184–189.

Roik, V. D. (2018) Trud, ego evolyutsiya i perspektivy [Labor, its evolution and prospects]. *Narodonaselenie*, 21 (1), 97–108, DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-1-08.

Roik, V. D. (2019) *Ekonomika razvitiya: neravenstvo, bednost` i razvitie* [Development economics: inequality, poverty and development]: textbook for universities. Moscow, Yurait, 474.

Rouz, K. (2021) *Ustoichivy k budushchemu* [Future proof]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 256.

Ryazantseva, M. V. (2017) Novye vyzovy «chetvertoi industrial`noi revolyutsii»: navstrechu gendernomu ravenstvu [New challenges of the 'fourth industrial revolution': towards gender equality]. *Strategii biznesa*, (9:41), 3–7.

Savvina, O. V. & Stepanova, D. I. (2018) Effekty realizatsii kontseptsii bezuslovnogo bazovogo dokhoda [Effects of implementing the concept of unconditional basic income]. *Ustoichivoe razvitie nauki i obrazovaniya*, (9), 10–14.

Schwab, K. (2017) *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The fourth industrial revolution]. Moscow, Eksmo, 208.

Sergeeva, A. V. & Maksimova, M. N. (2025) Spetsifika sistemy dolgovremennogo ukhoda za grazhdanami pozhilogo vozrasta i invalidami [Specifics of the long-term care system for elderly citizens and disabled people]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel`skii zhurnal*, (10:160), DOI: 10.60797/IRJ.2025.160.62.

Serova, A. V. & Shcherbakova, O. V. (2023) Kontseptsiya prava na neprikosnovennost` chastnoi zhizni v sfere truda v svete razvitiya tsifrovoi ekonomiki [The concept of the right to privacy in the sphere of labor in the light of the development of the digital economy]. *Gosudarstvo i pravo*, (10), 90–99.

Shalito, N. B. (1967) *Pravovye voprosy uchastiya rabochikh i sluzhashchikh v ratsionalizatsii proizvodstva* [Legal issues of workers' and employees' participation in production rationalization]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis. Leningrad, 23.

Sheptulina, N. N. (1972) *Tekhnicheskii progress i voprosy pravovogo regulirovaniya truda zhenshchin v SSSR* [Technological progress and issues of legal regulation of women's labor in the USSR]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis. Moscow, 25.

Shevchuk, A. V. (2020) Ot fabriki k platforme: avtonomiya i control` v tsifrovoi ekonomike [From factory to platform: autonomy and control in the digital economy]. *Sotsiologiya vlasti*, 32 (1), 30–54.

Shipilov, A. V. (2018) Budushchee postsovremennogo obshchestva: vpered v proshloe? [The future of post-modern society: back to the past?]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial`noi antropologii*, 21 (1), 7–26.

Shuraleva, S. V. (2022) Pravo na neprikosnovennost` chastnoi zhizni v trudovom pravootnoshenii: teoreticheskie problemy pravovogo regulirovaniya [The right to privacy in labor relations: theoretical problems of legal regulation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, (57), 527–551.

Soifer, V. G. (1966) *Pravovoe regulirovanie khozyaistvennykh i trudovykh otnoshenii, svyazannykh s sozdaniem i vnedreniem novoi tekhniki* [Legal regulation of economic and

labor relations related to the creation and introduction of new technology]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis. Moscow, 21.

Solov`ev, A. K. (2025) Problemy razvitiya gosudarstvennoi pensionnoi sistemy dlya dostizheniya national`nykh tselei [Problems of development of the state pension system for achieving national goals]. *Sotsial`noe i pensionnoe pravo*, (4), 22–35.

Srnicek, N. (2021) *Kapitalizm platform* [Platform capitalism]. Moscow, Izdatel`skii dom VSHE, 128.

Tomashevskii, K. L. & Filipova, I. A. (2025) Kontseptsiya tsifrovogo trudovogo pravootnosheniya [The concept of digital labor relationship]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 18 (4), 114–142.

Trofimov, G. (2025) Kogda i pochemu nauka stanovitsya proizvoditel`noi siloi [When and why science becomes a productive force]. *Monokl`*, (43), 36–40.

Vorontsov, S. G. (2007) *Rol` trudovogo prava v obespechenii progressa nauchnogo tvorchestva* [The role of labor law in ensuring the progress of scientific creativity]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis. Perm`, 20.

Zakharov, M. L. & Voronin, Yu. V. (eds.) (2017) Sotsial`noe obespechenie: nastoyashchee i budushchee [Social security: present and future]: monography. Moscow, Institut zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya pri Pravitel`stve Rossiiskoi Federatsii, Yuridicheskaya firma «Kontrakt», 282.

Zhavoronkov, R. N. (2019) Bezuslovnyi osnovnoi dokhod – budushchee sotsial`nogo obespecheniya? [Unconditional basic income – the future of social security?]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina,* (11), 106–116.

Информация об авторах

Юлия Валерьевна Васильева – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой трудового и международного права Пермского государственного национального исследовательского университета (e-mail: vasilev95@list.ru).

Светлана Владимировна Шуралева – кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового и международного права Пермского государственного национального исследовательского университета (e-mail: shura_leva@mail.ru).

Information about the authors

Yulia V. Vasilyeva – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Labor and International Law of the Perm State National Research University (e-mail: vasilev95@list.ru).

Svetlana V. Shuraleva – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Labor and International Law of the Perm State National Research University (e-mail: shura_leva@mail.ru).

© Ю. В. Васильева, 2026
© С. В. Шуралева, 2026

Дата поступления в редакцию / Received: 30.03.2026
Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 31.03.2026